

Райх Вильгельм

Функция оргазма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
P12

P12 **Райх Вильгельм**
Функция оргазма / Райх Вильгельм – М.: Книга по Требованию, 2024. – 152 с.

ISBN 978-5-458-36920-6

Предисловие к монографии д-ра Вильгельма Райха "Функция оргазма": "В октябре 1957 г. агенты американского правительства нагрянули в издательство Института органа в Нью-Йорке. Они изъяли все книги, погрузили их в мусоровоз, отвезли на Вендивурт-стрит и бросили в мусоросжигательную печь. Это произошло не в средневековье, а всего несколько десятков лет назад; не в стране с фашистской или марксистской диктатурой, а в государстве, чья конституция конкретно запрещает расправляться с неудобными идеями при помощи пиромании; и спровоцировано не религиозными, а «научными» фанатиками, которых Дж. Б. Пристли окрестил Цитаделью. Автором книг был д-р Вильгельм Райх, бывший ученик Фрейда и политический радикал. ...Д-р Райх считал, что ни одна идеология, включая его собственную, не будет работать, пока не произойдет сексуальная революция психологического (не политического) характера и люди не перестанут стесняться своих телесных потребностей. ...правительственные агенты на этом не остановились: они сожгли книги д-ра Райха, разрубили топорами аппаратуру в его научной лаборатории, а затем посадили д-ра Райха в тюрьму, где через несколько месяцев он умер от сердечного приступа." / Роберт Антон Уилсон - "Новая инквизиция" /

ISBN 978-5-458-36920-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

большинство людей, возникают застойные накопления биологической энергии, которые превращаются в источники иррациональных действий. Лечение душевных расстройств требует прежде всего формирования естественной способности к любви. Эта способность зависит от социальных условий так же, как и от психических.

Душевные заболевания являются результатом неустроенности сексуальных отношений в обществе. Функция этой неустроенности на протяжении тысячелетий заключается в том, чтобы психически подчинять людей имеющимся условиям бытия, заставляя их запечатлевать в своих душах процесс механизации жизни, идущей извне. Эта неустроенность, лишая человека самостоятельности, служит *закреплению в его внутреннем мире* норм механизированной и авторитарной цивилизации.

Естественно, жизненные силы регулируются сами, без принудительного обязательства или принудительной морали, которые являются верными признаками наличия антисоциальных побуждений. Антисоциальные действия проистекают под воздействием *вторичных влечений, возникших в результате подавления естественной жизни и противоречащих* естественной сексуальности.

Человек, воспитанный в духе неприятия проявлений жизни и сексуальности, приобретает *страх перед удовольствием*, а психологическая причина этого страха коренится в хроническом напряжении мышц. Невротическая боязнь удовольствия представляет собой основу воспроизведения самими людьми мировоззрения, включающего отрицательное отношение к проявлению жизни и обосновывающего диктатуры. Эта боязнь является ядром страха перед самостоятельным, свободным образом жизни. Она становится важнейшим источником силы политической реакции всякого рода, господства отдельных личностей или групп над большинством трудящихся людей. Этот страх *био психологического* свойства создает основную проблему психосоматического исследования. Он был до сих пор самым большим препятствием в исследовании *непроизвольных* жизненных функций, проявление которых невротик может пережить лишь с тревогой и страхом.

Структуре характера современного человека, который продолжает традиции патриархально-авторитарной культуры, насчитывающей шесть тысяч лет, свойственно *отчуждение характера от внутренней природы и внешнего общественного убожества*. Оно является основой одиночества, беспомощности, болезненного желания власти, страха перед ответственностью, мистических стремлений, сексуальных бедствий, беспомощного невротического бунтарства, равно как и противоестественно болезненной терпимости. Люди враждебно отчуждены от живой жизни. Это отчуждение не биологического, а социально-экономического характера. Оно отсутствует на стадиях истории человечества, предшествующих развитию патриархата.

С тех пор место естественной деятельности и радости труда заняла принудительная обязанность. Структура среднего представителя массы изменялась, неся с собой нарастание бессилия и страха перед жизнью, так что авторитарные диктатуры не только добивались своего, но даже могли оправдаться, ссылаясь на такие свойства человеческого характера, как отсутствие ответственности и детская наивность, присущая иным взрослым. Международная катастрофа, которую мы переживаем, представляет собой крайнее следствие этого отчуждения от жизни.

Центральную роль в процессе структурирования характеров массы людей, согласно авторитарным принципам, играет не естественная родительская любовь, а *авторитарная семья*. Главное средство такого структурирования — подавление сексуальности ребенка и подростка, вступающего в пору полового созревания.

В результате расщепления психической структуры человека стали несовместимыми *природа и культура, влечение и мораль, сексуальность и производительность. Единство и отсутствие противоречий между природой и культурой, трудом и любовью, моралью и сексуальностью*, достичь которых страстно желали с незапамятных времен, так и останется мечтой до тех пор, пока люди считают недопустимым биологическое требование естественного (*оргастического*) сексуального удовлетворения. До тех пор остаются иллюзией также подлинная демократия и свобода, основанные на сознании ответственности. Человеческое существование характеризуется беспомощным подчинением хаосу общественных отношений. Господствует умерщвление живого в принудительном браке и во время войн.

В сфере психотерапии я разработал технику *вегетотерапии, основанной на анализе характера*. Ее основной принцип заключается в восстановлении биопсихической подвижности путем устранения окостенения характера и жесткости мышц («заклучения в панцирь»). Эта техника лечения неврозов получила свое экспериментальное обоснование благодаря открытию *биоэлектрической природы сексуальности и страха*. Они представляют собой два противоположных направления функционирования живого организма — *расширение под действием наслаждения и сокращение под действием страха*.

Формула оргазма, направляющая сексуально-экономические исследования, гласит: *механическое напряжение — биоэлектрический заряд — разряд — снятие механического напряжения*. Она оказалась просто формулой функционирования живого организма. Она привела к экспериментальному исследованию организации живой материи из неживой, к *экспериментальному исследованию биона*, а совсем недавно — к открытию *органного излучения*. Исследование сексуальности и биона открыло новый подход к проблеме *раковых заболеваний* и некоторых других нарушений вегетативной жизни.

Люди — единственный биологический вид, не следующий естественному закону сексуальности. Этот факт является причиной многочисленных уничтожающих болезней. Отрицание жизни обществом имело своим следствием массовую смертность как в виде войн, так и в форме душевных и телесных нарушений жизненной функции.

Процесс сексуальности, или, иными словами, экспансивный процесс получения биологического удовольствия, является просто продуктивным жизненным процессом! Данное утверждение включает в себя очень много и кажется едва ли не «слишком простым». Эта «простота» и образует тайну, которая чудится кое-кому в моих работах. Я хочу попытаться показать, как мне удалось развязать узел, который до сих пор скрывал эти проблемы от постижения их человеком. Я очень надеюсь суметь убедить читателей в том, что им предлагается не описание некоего колдовства, а, напротив, что моя теория является общим человеческим знанием о живом, знанием, отнюдь не отягощенным чувством какой-либо вины. Те, кто закрывал глаза на установленные мною факты и связи и последовательно скрывал их, содействовали общему отчуждению людей от жизни.

История сексуальной экономики не полна без изображения участия ее друзей в развитии этой науки. Мои друзья и сотрудники поймут, почему мне пришлось отказаться воздать должное их трудам. Но я могу заверить всех, кто боролся за сексуальную экономику и часто страдал в этой борьбе, что без их заслуг все развитие этой науки было бы неосуществимым.

Изложение сексуальной экономики предпринимается здесь исключительно с точки зрения европейской ситуации, приведшей к катастрофе. Победа диктатур основывалась на массовом душевном заболевании европейцев, которые были не в состоянии ни экономически, ни психологически, ни в социальном отношении решить задачи, поставленные демократией. Я слишком мало нахожусь в Соединенных Штатах, чтобы иметь возможность оценить, насколько это изложение соответствует американской ситуации. Ситуация, о которой я говорю, означает не только внешние человеческие отношения и порядки в обществе, но в гораздо большей степени *глубинные структуры* как психики американцев, так и их общества. Чтобы ознакомиться со всем этим, необходимо время.

Я подготовлен к тому, что английское издание этой книги вызовет неприятие в той или иной форме. В Европе я, благодаря многолетнему опыту, приобрел достаточный навык, позволяющий по определенным признакам оценивать значение нападок, критики или похвалы. Так как не приходится предполагать, что реакция определенных кругов Америки на мой труд будет принципиально иной, чем по другую сторону океана, я хотел бы заранее ответить на будущие обвинения.

Сексуальная экономика не имеет ничего общего с какой бы то ни было из существующих политических организаций или идеологий. К ней неприменимы политические понятия, разделяющие различные слои и классы общества. Непризнание обществом *естественной* любовной жизни и отрицание права на нее за детьми и подростками — факты общечеловеческого значения, выходящие за границы государств и социальных групп.

Сексуальная экономика подвергалась нападкам представителей всех партийно-политических направлений. Коммунисты так же запрещали мои публикации, как и фашисты. Полицейские власти столь же яростно нападали на них, выдвигая самые разные обвинения, как это делали и социалисты или буржуазные либералы. И напротив, мои взгляды находили внимание и признание во всех кругах и слоях населения. В особенности же открытие функции оргазма нашло согласие всех культурно-политических и научных групп.

Вытеснение сексуальности, биологическая жесткость, морализаторство и аскетизм не ограничиваются определенными классами или слоями общества. Они встречаются повсюду. Я знаю священников, различающих естественную и неестественную половую жизнь и признающих научное равноправие понятия Бога и закона природы, но мне известны и другие священнослужители, которые усматривают в объяснении и практическом осуществлении половой жизни детей и подростков опасность для существования церкви и поэтому прибегают к жестким мерам противодействия. *Как хвала, так и ненависть питаются одной и той же идеологией*. В моих работах увидели такую же серьезную угрозу для либерализма и демократии, как для диктатуры пролетариата, чести социализма или чести немецкой женщины. В действительности

раскрытие функции живого угрожает только *одной* позиции и *одному* варианту общественного и морального регулирования, а именно *авторитарно-диктаторскому режиму любого рода, который с помощью принудительной морали и принудительного труда пытается уничтожить стихийную порядочность и естественное саморегулирование жизненных сил.*

Надо быть, наконец, честными, чтобы сказать, что авторитарная диктатура существует не только в тоталитарных государствах. Ее можно обнаружить как в церкви, так и в академических организациях, как у коммунистов, так и в правительствах стран, основанных на парламентской демократии. Эта диктатура — общечеловеческая склонность, возникшая в результате подавления живого. Она создает в массовой психологии всех наций основу для восприятия и установления диктатур как политических систем. Ее основными элементами являются мистификация жизненного процесса, действительная беспомощность материального и социального характера, страх перед ответственностью за формирование своей жизни и страсть, активная или пассивная, к обретению иллюзорной безопасности и к подчинению авторитету. *Подлинное* извечное стремление к демократизации общественной жизни зиждется на самоопределении, *естественной* общности и морали, на *радостном* труде и *земном* счастье любви. Каждую иллюзию это стремление считает опасностью. Поэтому оно не только не будет бояться естественнонаучного понимания живого, но, наоборот, прибегнет к помощи естественных наук, чтобы научно-практически, а не иллюзорно справиться с имеющими важнейшее значение проблемами формирования психических структур человека. Повсеместно наблюдается стремление развить формальную демократию в демократию всех трудящихся, в *трудовую демократию*, соответствующую *естественной* организации процесса труда.

В сфере умственной гигиены должна быть решена большая задача. Она заключается в том, чтобы поставить на место сексуальной неустроенности, системы публичных домов, порнографической литературы и индустрии секса естественное счастье любви, гарантируемое обществом. За этим не кроется намерение «разрушить семью» или «подорвать мораль». *Семья и мораль подрываются принудительной семьей и принудительной моралью.* Наша задача как специалистов — покончить с вредом, который в форме душевных заболеваний приносит неупорядоченность половых и семейных отношений. Чтобы преодолеть эту «чуму», надо четко отличать любовь родителей и детей друг к другу от семейного принуждения в какой бы то ни было форме. Эндемическое заболевание «*фамилию*» разрушает все, чего пытаются достичь честные стремления людей.

Если я и не принадлежу ни к одной политической или религиозной организации, то у меня все же есть собственные взгляды на социальную жизнь. В противоположность всем видам политического, идеологического или мистического мировоззрения они являются *научно-рациональными*. В соответствии с этими взглядами я полагаю, что наша Земля не обретет длительного мира и что она будет напрасно пытаться осуществить функцию обобществления человека до тех пор, пока некомпетентные политики и диктаторы какого бы то ни было вида будут руководить массами людей, страдающих невротами и венерическими заболеваниями. Функция обобществления человека заключается в выполнении его естественной функции любви и труда. Обе эти формы биологической активности людей с незапамятных времен зависят как от научно-исследовательской, так и вообще умственной работы. *Знания, труд и естественная любовь являются источниками нашей жизни. Они должны и управлять ею, движимые сознанием полной ответственности трудящихся масс.*

Душевная гигиена масс требует власти знания — в противоположность власти невежества, власти жизненно необходимого труда — в противоположность паразитизму всякого рода, будь то экономический, духовный или философский. Если естественная наука сама себя воспринимает всерьез, то она должна бороться против сил, разрушающих жизнь, где бы и в результате чьей бы деятельности это разрушение ни происходило. Естественно, что нет человека, который в одиночку обладал бы знаниями, необходимыми для обеспечения естественной функции жизни. *Научно-рациональное мировоззрение исключает диктатуру и требует осуществления трудовой демократии.*

Общественная власть, которая исходила бы от народа, осуществлялась бы народом и в интересах народа и была бы подвижна естественным чувством жизни и уважением к результатам труда, оказалась бы неодолимой. *Но предпосылкой создания этой власти являются душевная независимость масс и их способность в полном объеме взять на себя ответственность за общественное бытие и ответственность самим рационально определять характер своей жизни.* Если что им и мешает в решении названных задач, так это массовый душевный невроз, материализующийся как в диктатуре любого рода, так и в политической болтовне. Чтобы справиться с массовым неврозом и иррационализмом в общественной жизни, другими словами, чтобы осуществить настоящую умственную гигиену, необходимы социальные рамки, в которых

прежде всего устраняется материальная нужда и обеспечивается свободное развитие жизненных сил каждого. Такие социальные рамки может создать только *подлинная* демократия.

Но подлинная демократия не является *состоянием* «свободы», которая могла бы быть подарена, разрешена или гарантирована какой-либо группе людей избранными или навязанными органами власти. Подлинная демократия — трудный и длительный *процесс*, в ходе которого массы людей, защищенных в социальном и юридическом отношении, имеют все возможности (а не «получают» их) учиться управлению живой индивидуальной и общественной жизнью и продвигаться ко все лучшим формам жизни. Следовательно, подлинная демократия не является законченной цепью развития событий, которую можно уподобить седовласому старцу, наслаждающемуся воспоминаниями о своем славном боевом прошлом. Подлинная демократия — процесс непрерывного решения проблем безостановочного развития, процесс *новых* открытий, формирования *новых* мыслей и форм жизни. Развитие в направлении будущего оказывается непрерывным только в том случае, если приверженцы прежних институтов и сторонники старых идей, сыгравших свою роль на прежней ступени демократического развития, оказываются достаточно мудрыми, чтобы уступить место молодому и новому, а не душить его, ссылаясь на достоинство или формальный авторитет.

Традиция имеет важное значение. Она является демократической, если выполняет свою естественную функцию, то есть вооружает новые поколения положительным и отрицательным опытом прошлого, давая им тем самым возможность учиться на старых ошибках и не совершать новых ошибок такого же рода. Традиция становится убийцей демократии, если она не дает молодежи возможности выбора, если она пытается диктовать, что при новых условиях жизни можно рассматривать как «хорошее» или «дурное». Традиция быстро и охотно забывает, что она лишилась способности оценивать, что же, собственно, *не* является традицией. Например, усовершенствование микроскопа было не уничтожением первой модели, а ее сохранением и развитием в соответствии с более высокой степенью человеческого знания. Микроскоп времен Пастера был не способен позволить увидеть то, что ищет сегодняшний исследователь вирусов. Стоит только представить себе, что у микроскопа времен Пастера хватило бы власти и тщеславия, чтобы запретить электронный микроскоп!

Если бы молодежь, не опасаясь за последствия такого шага, могла сказать старшему поколению: «*Это* мы принимаем от вас, так как в этом наследии сохраняются сила и честность, оно все еще современно и способно развиваться, а вот *это* не можем воспринять, так как оно было полезно и истинно для своего времени, но стало непригодным для нас», — то таково было бы лишь выражение почтения к унаследованному от прошлого, а не ненависти к нему. Такая молодежь должна быть готова услышать то же самое и от своих детей.

Развитие довоенной демократии в полную и подлинную трудовую демократию означает, что общество на деле овладеет механизмом, позволяющим определять развитие бытия вместо имевшего место до сих пор формального, частичного и неполного определения этого развития. Оно означает замену иррационального формирования политической воли масс рациональным контролем над социальным процессом. Этот контроль требует непрерывного самовоспитания масс в духе ответственности, проникнутой идеалами свободы. Такая ответственность должна уступить место детской надежде на получение свободы в виде подарка или на ее обретение при чьей-либо гарантии извне. Если демократия хочет устранить диктаторские наклонности в массах, она должна доказать свою способность покончить с бедностью и достичь рациональной самостоятельности людей. Это — и только это — может быть названо органическим общественным развитием.

Я полагаю, что европейские демократии потерпели поражение в борьбе с диктатурой потому, что в демократических системах было слишком много формальной и слишком мало реальной, практической демократии. Любое мероприятие в сфере воспитания было проникнуто страхом перед живой жизнью. Демократия рассматривалась как состояние гарантированной «свободы», а не как *процесс развития массовой ответственности*. И в демократических политических системах существовало и существует воспитание, цель которого — обеспечить повиновение авторитарной власти. Катастрофические события нашего времени учат, что люди, воспитанные в духе повиновения какой бы то ни было авторитарной власти, *крадут* свободу у самих себя. Они *убивают* того, кто ее даровал, и *бегут* за диктатором.

Я не политик и ничего не понимаю в политике, но я *ученый*, сознающий свою социальную ответственность. В качестве такового я имею право высказать то, что признал истинным. Я сочту цель своей работы достигнутой, если мои научные высказывания окажутся пригодными для того, чтобы способствовать лучшему устройству отношений между людьми. После краха диктатур человеческому обществу потребуются истины, причем истины *непопулярные*. Эти истины, называющие подлинные причины нынешнего социального хаоса, рано или поздно возобладают —

независимо от того, хотят этого люди или нет. Одна из таких истин заключается в том, что корни диктатуры — в иррациональном страхе перед жизнью, который испытывают массы. Тот, кто высказывает такого рода истины, подвергается очень большой опасности, но он может и подождать. Ему нет необходимости бороться за власть, чтобы добиться торжества истины. Его сила — в знании фактов, касающихся всего человечества, как бы эти факты ни отвергались. Во времена тяжелейших общественных бедствий воля общества к жизни заставляет все-таки признавать эти факты.

Ученый обязан в любых обстоятельствах сохранять право на свободное выражения мнения и не уступать его представителям сил, подавляющих жизнь. Слишком много говорят о долге солдат отдать свою жизнь. Слишком мало говорят о долге ученых отстаивать в любых обстоятельствах однажды познанную истину, чего бы это ни стоило.

У врача или педагога только одна обязанность — бескомпромиссно следовать требованиям своей профессии, не обращая внимания на силы, подавляющие жизнь, и руководствуясь только благом тех, кто вверен ему. Он не должен быть приверженцем идеологий, противоречащих целям врачевания или воспитания.

Тот, кто оспаривает это право исследователя, врача, воспитателя, инженера или писателя, одновременно называя себя демократом, тот является лицемером или, по меньшей мере, жертвой чумы иррационализма. Борьба против чумы диктатуры бесперспективна без решимости и серьезности в подходе к жизненным вопросам, так как диктатура живет и может жить только во тьме *непознанности* вопросов жизни. Человек беспомощен в тех случаях, когда у него нет знания, а беспомощность, вызванная незнанием, — удобрение для диктатуры. Нельзя называть общественный строй демократическим, если он боится постановки важнейших вопросов, поиска непривычных ответов и борьбы мнений вокруг проблем своего развития. В этом случае такое общественное устройство гибнет при малейшем покушении на его институты со стороны претендентов на диктаторскую власть. Это и произошло в Европе.

«Свобода религии» является диктатурой, если она не дает *свободу науке*, а значит, не обеспечивает свободную конкуренцию в интерпретации жизненных процессов. Должно же когда-то стать раз навсегда ясно, является ли Бог бородатым могучим существом, живущим на небе, или он представляет собой естественный космический закон, господствующий над нами. Только если Бог и закон природы — одно и то же, возможно понимание между наукой и религией. От диктатуры божественного наместника на Земле до диктатуры ниспосланного Богом спасителя народов — всего один шаг.

«Мораль» становится диктатурой, если она отождествляет естественное чувство жизни, свойственное людям, с порнографией. Хочет она того или нет, таким образом мораль позволяет продолжиться существованию сексуальной грязи и допускает гибель естественного любовного счастья людей. Необходимо резко протестовать в тех случаях, когда аморальными называют людей, которые основывают свое социальное поведение на внутренних законах, а не на формах внешнего принуждения. Мужчина является мужчиной, а женщина — женщиной не потому, что они получили благословение, а потому, что они чувствуют себя мужчиной и женщиной. Мерой настоящей свободы является внутренний, а не внешний закон. Морализаторское лицемерие — опаснейший враг естественной нравственности. Его можно победить не посредством какого-либо другого вида принудительной морали, а только с помощью знания естественного закона, управляющего сексуальным процессом. *Естественное моральное поведение предполагает свободу естественного жизненного процесса*. Напротив, принудительная мораль идет рука об руку с болезненной сексуальностью.

Линия принуждения является линией наименьшего сопротивления. Легче требовать дисциплины и авторитарными методами добиваться ее осуществления, чем воспитывать в детях радость самостоятельного труда и естественное сексуальное поведение. Легче объявить себя всеведущим вождем, ниспосланным Богом, и декретировать, что должны думать и делать миллионы людей, чем подвергнуть себя испытанию в борьбе мнений между рациональным и иррациональным. Легче настаивать на уважении и любви, предписанных законом, чем завоевать дружбу человеческим поведением. Легче продать свою независимость за материальную обеспеченность, чем вести самостоятельную жизнь, проникнутую сознанием ответственности, и быть господином самому себе. Удобнее диктовать подчиненным их поведение, чем *направлять* это поведение при уважении индивидуальности других. Поэтому жизнь при диктатуре всегда кажется легче, чем при *настоящей* демократии. Поэтому удобный демократический лидер завидует диктатору и пытается подражать ему. Легко повторять общие слова, говорить правду — трудно.

Поэтому тот, кто не верит в живое или потерял такую веру, стал добычей тайного страха перед жизнью, порождающего диктатуру. *Живое само по себе «разумно»*, но оно превращается в

гримасу, если ему не дают проявиться. Став гримасой, жизнь может только вызвать страх. Поэтому лишь знание жизни способно прогнать страх. Каким бы ни стал в грядущие века в результате кровавых битв наш расшатанный мир, наука о жизни сильнее всей враждебности к жизни, сильнее тирании. Галилей, а не Нерон, Пастер, а не Наполеон, Фрейд, а не Шикльгрюбер создавали технику, боролись с эпидемиями, изучали душевный мир, то есть обеспечивали наше бытие. Другие всегда злоупотребляли успехами великих для уничтожения жизни. Корни естественной науки лежат бесконечно глубже и оказываются гораздо сильнее, чем какая бы то ни было фашистская идеология сегодняшнего дня и порождаемая ею шумиха.

Нью-Йорк, ноябрь 1940 г.

В.Р.

Биологическое и сексуальная наука Фрейда.

Моя только что охарактеризованная научная позиция формировалась в 1919—1921 гг. на Венском студенческом семинаре по проблемам сексуальной науки. Никакая схема, ничье мнение не управляло развитием моих взглядов. Следует исключить и аргумент, согласно которому человек со странной биографией, насыщенной комплексами, оказавшийся вне приличного общества, намеревается навязать другим людям свои фантазии о жизни. Верно, что моя предыдущая жизнь, бурная и богатая опытом, дала мне возможность по-новому воспринимать факты, своеобразие исследуемого материала и результаты, которые оставались закрытыми для других.

До вступления в октябре 1920 г. в Венское психоаналитическое объединение я приобрел многосторонние знания в сексологии и психологии, а также в естественных науках и натурфилософии. Это звучит нескромно, но скромность там, где она не к месту, — не добродетель. Нет здесь и никакого колдовства или особой «ловкости рук». Изголодавшись от ничегонеделания за четыре года первой мировой войны и будучи одарен способностью учиться быстро, глубоко и систематически, я бросался на все достойное изучения, что мне только попадалось. Я не особенно часто засиживался в кафе и разных компаниях, уделял также мало внимания прогулкам или потасовкам — обычному времяпрепровождению студентов.

С психоанализом я познакомился случайно. В 1919 г. во время лекции по анатомии по аудитории передавали листок с призывом создать кружок, цель которого — изучение сексологических проблем. Я пришел на его заседание, где присутствовали человек восемь молодых медиков, и услышал, что сексологический семинар необходим, так как Венский университет пренебрегает этим важным вопросом. Я регулярно посещал занятия, но не участвовал в дискуссиях. Способ обсуждения показался мне уже на первых заседаниях кружка странным и неестественным. Почувствовав внутреннее неприятие, я тем не менее записал в дневнике 1 марта 1919 г.: «Может быть, мораль и против этого, но я на собственном опыте, в результате наблюдений над собой и другими людьми пришел к убеждению, что сексуальность — та центральная точка, вокруг которой развивается как вся социальная жизнь, так и духовный мир индивида...»

Откуда взялось несогласие с тем, что говорили на семинаре? Это стало понятно только лет через десять. Я пережил свои первые сексуальные впечатления по-иному, нежели слышал о сексуальности на лекциях. В соответствии с этими выступлениями сексуальное начало несло в себе нечто странное, чужеродное. Казалось, что естественной сексуальности вовсе не существовало. Бессознательное было наполнено одними лишь извращенными влечениями. Психоаналитическое учение отвергало, к примеру, существование первичной вагинальной эротики у маленькой девочки и допускало появление женской сексуальности из сложной взаимосвязи других влечений.

Члены кружка предложили пригласить некоего старого психоаналитика, чтобы он выступил с серией лекций о сексуальности. Он говорил хорошо и интересно, но мне интуитивно не понравилось, как лектор излагал проблемы сексуальности. Хотя я услышал много нового и был очень заинтересован, но то, что говорил лектор, в какой-то мере не соответствовало теме, и я не мог бы обосновать свое впечатление.

Я раздобыл несколько книг по сексологии — «Сексуальную жизнь нашего времени» Блоха, «Половой вопрос» Фореля, «Сексуальные заблуждения» Бака, «Гермафродитизм» и «Способность к оплодотворению» Таруффи. Потом я прочитал «Либидо» Юнга и, наконец, Фрейда. Я читал много, быстро и внимательно, кое-что по два-три раза. Мой выбор профессии определился под воздействием «Трех очерков по теории сексуальности» и «Введения в психоанализ» Фрейда. В моем восприятии сексологическая литература сразу же распалась на две

группы — серьезных и «моратизаторски-сладострастных» работ. Блох, Форель и Фрейд воодушевили меня. Знакомство с трудами Фрейда стало большим переживанием.

Я не превратился сразу же в безусловного фрейдиста, осмысливая его открытия, а также открывая для себя труды других великих ученых. Прежде чем окончательно встать на точку зрения психоанализа и выступить в его поддержку, я приобрел общие естественнонаучные и натурфилософские знания. В этом направлении меня толкала основная тема моих снятий — сексуальность. Я основательно изучал *«Справочник по сексуальной науке»* Молля, делая обстоятельные выписки из него. Я хотел знать, что говорили о влечении другие. Это привело к знакомству с работами Земона. Его учение о «мнемических ощущениях» дало мне материал для размышления о памяти и о проблеме инстинкта. Земон утверждал, «до все непроизвольные действия живых существ сохраняются в форме «энграмм», то есть исторических впечатлений, оставшихся от пережитого. Непрерывно размножающаяся зародышевая плазма постоянно воспринимает впечатления, вызванные соответствующими раздражителями. Это биологическое учение хорошо согласовывалось с воззрением Фрейда о подсознательных воспоминаниях, «следах в памяти». За вновь и вновь приобретаемым знанием стоял вопрос: *что такое жизнь?* Жизнь характеризовалась странной разумностью и целесообразностью инстинктивного, непроизвольного действия.

Исследования Фореля о разумной организации жизни муравьев обратили мое внимание на проблему витализма. В 1919—1923 гг. я познакомился с работами Дриша *«Философия органического»* и *«Учение о порядке»*. Первую я понял, вторую — нет. Было очевидно, что механистическое понимание жизни, под преобладающим воздействием которого находились и наши занятия медициной, не могло меня удовлетворить. Утверждение этого автора о том, что в живом организме из части образуется целое, казалось мне неопровержимым. Наоборот, его объяснение функционирования живого организма с помощью понятия *«энтелехии»* не произвело на меня впечатления. Я чувствовал, что в данном случае, используя слово, обходят громадную проблему. Так я весьма простым образом научился отличать факты от теорий, излагающих эти факты. Я немало размышлял о трех доказательствах специфичности живого, полностью отличавшегося от неорганической природы. Эти размышления имели под собой прочную основу, но потусторонность принципа жизни никак не хотела согласовываться с моими ощущениями. Семнадцать лет спустя мне удалось разрешить противоречие на основе функционально-энергетической формулы. Всегда, когда я размышлял о витализме, мне мерещилось учение Дриша. Мое слабое предчувствие иррациональности его предположений оказалось верным — позже он закончил свой путь среди духовидцев.

Лучше обстояло дело с Бергсоном. Я очень тщательно протудировал его работы *«Материя и память»*, *«Время и свобода»* и *«Теоретическое развитие»* и инстинктивно почувствовал правильность стремления ученого отвергать как механистический материализм, так и феноменализм. Данные Бергсоном толкования Ощущения *длительности* в процессе душевного переживания и *целостности «Я»* подтвердили мои внутренние ощущения не-механической природы организмов. И все же все это было очень темно и неточно, оставаясь более на уровне чувства, чем знания. Моя нынешняя теория *психофизической идентичности и целостности*, восходящая к идеям Бергсона, стала новой *функциональной теорией тела и души*. Некоторое время меня считали «сумасшедшим бергсонианцем», так как я, в принципе, соглашался с Бергсоном, не будучи в состоянии понять, где в его учении обнаруживался пробел. Его «жизненное вдохновение» очень напоминало «энтелехию» Дриша. Нельзя было отвергнуть принцип созидательной силы, управляющей жизнью, но его одного было мало, тем более что этот принцип было невозможно постичь, описать и управлять им. Практическое применение этого принципа можно было с полным основанием рассматривать как высшую цель естественной науки. Мне казалось, что виталисты подошли ближе к пониманию принципа жизни, чем механисты, расчленявшие жизнь прежде, чем они ее понимали. Ведь представление о том, что организм работает, как машина, было более доступным для понимания, и при этом можно было опереться на известные данные физики.

В своей медицинской работе я был механистом, а мои идеи тяготели к принципу систематичности. Из числа доклинических дисциплин меня больше всего интересовали топографическая анатомия и анатомия систем организма. В мозге и нервной системе я разобрался в совершенстве. Сложность нервных путей и остроумное расположение «переключателей» заворожали меня. Вскоре я накопил гораздо больше знаний, чем требовалось для сдачи экзамена на степень доктора, но одновременно меня захватила и метафизика. Мне понравилась *«История материализма»* Ланге, и я ясно осознал, что невозможно обойтись также без идеалистической философии. Некоторые коллеги не разделяли «скачкообразность» и «непоследовательность» моего мышления. Я сам понял эту позицию, казавшуюся запутанной, только 17 лет спустя, когда мне удалось экспериментальным путем разрешить противоречие

между механизмом и витализмом. Правильно, то есть логично, мыслить в известных областях — дело нетрудное. Трудно не испугаться запутанности понятий, начиная вникать в незнакомое. К счастью, я рано понял свою способность углубляться в запутанные умозрительные эксперименты и достигать в результате этого практических результатов. Именно этому свойству я обязан оргоноскопом в моей лаборатории, позволяющим увидеть проявление биологической энергии, подобное молнии.

Из многосторонности моих симпатий позже развился принцип «Каждый в чем-то прав». Надо только понять, в чем. Простудировав две-три книги по истории философии, я составил представление о старом как мир споре по поводу первичности тела или души. Эти предварительные стадии моего научного развития важны потому, что они подготовили меня к правильному восприятию учения Фрейда. В учебниках по биологии, за которые я взялся только после сдачи весьма сомнительного, с точки зрения его ценности, экзамена на степень доктора биологических наук, открылись богатый мир и бездна материала. Они позволяли как обрести знания, дававшие возможность приводить точные доказательства, так и пригодились для идеалистических грез. Позже собственные проблемы заставили меня аккуратно отделить гипотезу от факта. Труды Хертвига «Общая биология» и «Становление организмов» давали обстоятельные знания, но оставляли без внимания всеобщую связь между различными отраслями исследования живого. Тогда я не мог сформулировать свою позицию так, как делаю это теперь, но от знакомства с ними оставалось чувство неудовлетворенности.

Применение «принципа цели» в биологии воспринималось как помеха. У клетки была мембрана, *для того чтобы* лучше защищаться от внешних раздражителей. Сперматозоиды были созданы такими быстрыми, *для того чтобы* быть в состоянии лучше находить яйцеклетку. Самцы были часто ярче раскрашены, часто крупнее и сильнее самок, *для того чтобы* легче понравиться или преодолеть их сопротивление, а также имели рога, *для того чтобы* одолеть соперника. И даже работницы-муравьи были бесполой, *для того чтобы* лучше делать свою работу. Ласточки строили свои гнезда, *для того чтобы* обогревать детей, и природа вообще устроила то или это так или иначе, *для того чтобы* реализовать ту или иную цель. Следовательно, и в биологии господствовало смещение виталистического идеализма и каузального материализма. Я посещал очень интересные лекции Каммерера, на которых он излагал свое учение о наследовании приобретенных свойств.

Он в значительной степени опирался на Штайнаха, который к тому времени обратил на себя внимание работами о гормональной соединительной ткани генитального аппарата. На меня произвели большое впечатление эксперименты по влиянию имплантации на пол и вторичные половые признаки, а также высказывания Каммерера, ограничивающие сугубо механистический подход в теории наследования. Он был убежденным защитником теории естественной организации жизни из неорганической материи и существования специфической биологической энергии. Эти научные взгляды казались мне симпатичными. Они вдохнули жизнь в сухой материал, который я получил в университете. Против Штайнаха и Каммерера шла жестокая борьба. Во время визита к Штайнаху я увидел, что ученый устал и измотан. Позже я на себе ощутил, как третируют тех, кто добивается значительных, но не совпадающих с общепринятыми взглядами научных результатов. А Каммерер впоследствии покончил с собой.

Биологический принцип «для того чтобы» я встречал снова в различных учениях о спасении. При чтении труда Гримма «Будда» меня потрясла внутренняя логика учения об отсутствии страдания. Это учение отвергало среди прочего и радость как источник страдания. Учение о странствовании душ показалось мне смешным, но почему же у него были миллионы приверженцев? Дело не могло быть в одном только страхе смерти. Я читал Рудольфа Штайнера, но среди моих знакомых было много теософов и антропософов. Все они казались более или менее странными, но большей частью более искренними, чем сухие материалисты. Они тоже должны были быть в чем-то правы.

Во время летнего семестра 1919 г. я выступил в сексологическом семинаре с рефератом «Понятие либидо от Фореля до Юнга». Работа появилась два года спустя в «Цайтшрифт фюр сексуальвиссеншафт». Я начал ориентироваться в различиях взглядов Фореля, Молля, Блоха, Фрейда и Юнга на сексуальность. Различия в подходах этих исследователей к проблеме бросались в глаза. Все, кроме Фрейда, полагали, что сексуальность в пубертатном периоде низвергается на человека как гром с ясного неба. Говорили, что «сексуальность просыпается». Никто не осмеливался указать, где она была прежде. Сексуальность и способность к продолжению рода считались одним и тем же. За этим ошибочным представлением скрывалась целая гора психологических и социологических заблуждений. Молль говорил о «тумесцентном» и «детумесцентном», причем не было точно известно, в чем они заключались и каковы были их функции. Сексуальное напряжение и разрядка приписывались действию различных особых влечений. В тогдашней сексологии и психиатрической психологии насчитывалось столько же или

почти столько же влечений, сколько и человеческих действий. Существовали, например, влечение к питанию, влечение к размножению, побуждавшее к продолжению рода, влечение к эксгибиционизму, влечение к власти, тщеславие, инстинкт питания, влечение к материнству, влечение к более высокому уровню развития человека, стадный инстинкт, разумеется, социальный инстинкт, эгоистический и альтруистический инстинкты, свои инстинкты для садизма, мазохизма и трансвестизма. Короче говоря, с влечениями дело обстояло очень просто и все-таки ужасно сложно. Во всем этом попросту не разбирались. Хуже всего было с «моральным влечением». Сегодня очень немногие знают, что мораль рассматривалась как филогенетический вид влечения, даже определяемый сверхчеловеческими факторами. Об этом говорили со всей серьезностью и с большим достоинством. Вообще, при такого рода рассуждениях все были в высшей степени этичны. Половые извращения, как и душевные заболевания, представлялись чисто дьявольским делом, безнравственным «вырождением». Страдавший депрессией или неврастенией имел «отягощенную наследственность» — короче говоря, был «плохим». Душевнобольные и преступники считались живыми существами с тяжелыми биологическими наследственными уродствами, которые были неисправимы и не заслуживали извинения. «Генитальный» же человек считался кем-то вроде неудачливого преступника, в лучшем случае капризом природы, а не человеком, который вырвался из псевдокультурной жизни окружающего мира и сохраняет контакт с природой.

Стоит только почитать сегодня книгу Вулффена о преступности или Пильча о психиатрии, работу Крэпелина или кого-нибудь еще из авторов того времени, как возникает вопрос, имеешь ли дело с моральной теологией или наукой. О душевных и сексуальных заболеваниях просто-напросто ничего не знали. Само их существование вызывало нравственное возмущение, а пробелы в знаниях заполнялись морализаторством, которое, просачиваясь в науку о человеке, производило самое угнетающее впечатление. Все якобы наследовалось, определялось биологией как таковой, и точка. Я приписываю сегодня именно социальной индифферентности науки тот факт, что всего лишь через 14 лет после пионерских открытий, о которых шла речь, германским государством смогли овладеть приверженцы столь бесперспективного и проникнутого духовной трусостью мировоззрения. И произошло это, несмотря на все усилия многих ученых на протяжении данного периода. Я инстинктивно отвергал метафизику, моральную философию и умствования на этические темы. Я искал фактов в доказательство правильности этих учений и не находил их. В биологических трудах Менделя, изучавшего законы наследования, я нашел гораздо больше подтверждений разнообразия в процессе наследования, чем провозглашенного деревянного однообразия. Я совершенно не чувствовал, что теория наследования была на 99% случаев сплошной отговоркой. Напротив, мне очень нравились теория мутации де Фриса, эксперименты Штайнаха и Каммерера, учения Флисса и Свободы о периодах. Дарвиновская теория отбора соответствовала разумному ожиданию того, что хотя жизнью и управляет определенная основная закономерность, но остается и широчайший простор для воздействия окружающего мира. Ничто не было вечным и неизменным, ничто не сводилось к невидимым наследственным веществам, *все могло развиваться*.

Мне было чуждо намерение установить какое-либо соотношение между половым влечением и этими биологическими теориями. Я не мог принять чисто умозрительные построения. Половое влечение существовало среди объектов научного интереса как некий странный феномен.

Следует знать, что представляла собой эта атмосфера до-фрейдовской сексологии и психиатрии, чтобы понять воодушевление и облегчение, которые я испытал от встречи с Фрейдом. Он проложил путь к клиническому пониманию сексуальности. Зрелая сексуальность вытекает из стадий сексуального развития в детстве. Сразу же стало очевидным, что *сексуальность и продолжение рода — не одно и то же*. Слова «сексуальный» и «генитальный» не должны употребляться как синонимы. Сексуальное переживание гораздо шире генитального, иначе такие извращения, как наслаждение от поедания кала, радость от соприкосновения с грязью или садизм, нельзя было бы назвать половыми. Фрейд вскрыл противоречия в мышлении и внес в дело логику и порядок.

Используя понятие «*либидо*», авторы, работавшие до Фрейда, имели в виду просто *сознательное требование совершения сексуальных действий*. Это было понятие из психологии сознания. Его употребляли, не понимая, чем было или должно было быть «либидо». Фрейд сказал: мы, собственно, и не можем постичь влечение. То, что мы переживаем, — лишь *производные от него — сексуальные представления и аффекты*. Сам инстинкт покоится глубоко в биологической основе организма и проявляется в форме аффективного стремления к удовлетворению. Мы ощущаем стремление к разрядке, но не сам инстинкт. Эта идея была глубока и, оставшись непонятой друзьями и врагами психоанализа, образовала естественнонаучный мыслительный фундамент, на котором можно было возводить прочную конструкцию.

Я интерпретировал Фрейда следующим образом: невозможность осознать инстинкт вполне логична, ведь именно он и является тем, что управляет нами и господствует над нами. Мы — его объект. Давайте подумаем об электричестве. Мы не знаем, что это такое и каково оно. Мы познаем его только во внешних проявлениях, таких, как свет и удар электрического тока. Правда, можно измерить электрическую волну, но и она — лишь свойство того, что мы называем электричеством, собственно, не зная его. Как электричество становится измеримым благодаря своим энергетическим проявлениям, так и инстинкты познаваемы только благодаря проявлениям аффектов. Мой вывод заключался в том, что «либидо» у Фрейда — *не то же самое*, что у дофрейдовских авторов. Последние говорили об ощущаемых и сознательных сексуальных стремлениях. *«Либидо» Фрейда не является и не может быть чем-либо иным, кроме энергии полового влечения.* И, может быть, его когда-нибудь удастся измерить. Тогда я употребил сравнение с электричеством и его энергией совершенно бессознательно, не чувствуя, что через шестнадцать лет мне выпадет счастье доказать идентичность биоэлектрической и сексуальной энергии. Меня заворожило последовательное естественнонаучное мышление Фрейда, проникнутое энергетизмом. Оно было деловым и чистым.

Студенческий семинар по сексологии с радостью принял мою интерпретацию. Его участники знали о Фрейде, слышали, что он толковал символы и сны и делал другие замечательные вещи. Мне удалось установить связь между фрейдизмом и известными теориями сексуальности. В качестве руководителя семинара, которым меня избрали осенью 1919 г., мне удалось упорядочить научную работу. Были созданы группы, изучавшие отдельные направления сексологии: внутреннюю секрецию и общее учение о гормонах, сексуальную биологию, физиологию, сексуальную психологию и, прежде всего, исследования в области психоанализа. Социологию сексуальности мы изучали сначала по книгам Мюллер-Люэра. Один участник семинара, основываясь на работах Тандлера, выступал с докладами о социальной гигиене, другой знакомил нас с эмбриологией. Из тридцати слушателей, начинавших работу в семинаре, осталось только восемь, но работали они серьезно. Мы перебрались в подвал клиники Хайека, который поинтересовался, не хотим ли мы заняться и «практической сексологией». Я успокоил его. Мы уже достаточно хорошо знали, как университетские профессора относятся к сексуальности, и это нас больше не волновало. Отсутствие же преподавания сексуальной науки мы воспринимали как большой ущерб и старались, насколько возможно, возместить его. Прослушав специальный курс, я узнал многое об анатомии и физиологии половых органов и выступил с соответствующими сообщениями перед участниками семинара. Свои выступления я подготовил на основе материала, содержавшегося в различных учебниках, в которых половые органы рассматривались лишь как «служители» процесса размножения. Да и последнему уделялось самое поверхностное внимание, без учета взаимоотношения с автономной нервной системой, а описание влияния и взаимодействия гормонов, регулирующих сексуальные функции и поведение, было неточным и неудовлетворительным. Мы узнавали, что в «промежуточной железе» яичка и яичника вырабатываются «вещества», определяющие характер вторичных половых признаков и обуславливающие половое созревание в пубертатный период. Они якобы являлись и причиной полового возбуждения.

Эти исследователи не замечали противоречия, заключавшегося в том, что у людей, подвергнутых кастрации до наступления половой зрелости, сексуальность снижается, у тех же, кто был кастрирован *после* этого, не терялась способность к возбуждению и к совершению полового акта. Тот факт, что для евнухов был характерен особо выраженный садизм, не представлял собой, по мнению исследователей, серьезной проблемы. Я понял эти явления лишь много лет спустя, открыв механизмы сексуальной энергии. После завершения периода полового созревания сексуальность развивается в полном объеме, охватывает все тело, и кастрация в позднем возрасте не приводит к утрате *сексуальной энергии, проявляющейся во всем теле, а не только в «промежуточных» генитальных железах.* Садизм, развивающийся у евнухов, есть не что иное, как возбужденная и лишенная своей нормальной функции, проявляющейся в генитальной сфере, сексуальная энергия, охватывающая поэтому в своей разрядке мускулатуру всего тела. Для тогдашней физиологии понятие сексуальности исчерпывалось пониманием отдельных «точек, несущих ответственность» за функционирование сексуального механизма, например соединительной ткани яичек и яичников, и описанием вторичных половых признаков. Поэтому объяснение сексуальной функции, данное Фрейдом, было столь освободительно для понимания природы сексуальности человека. Правда, в «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд предполагал существование каких-то «химических веществ», которые должны были обуславливать половое возбуждение. Он говорил об «органическом либидо» и приписывал каждой клетке существование таинственного Нечто, столь сильно воздействующего на нашу жизнь. Позже мне удалось экспериментально подтвердить эти интуитивные предчувствия Фрейда.